

Мария Дубова

**ТАЙНА  
там,  
где ее  
Нет**



БЕЛАЯ ВОРОНА  
ALBUS CORVUS  
Москва · 2022

УДК 821.161.1-93  
ББК 84(2Рос=Рус)-44  
Д79

Дубова, Мария  
Д79 Тайна там, где ее нет / Мария Дубова. —  
М.: Белая ворона, 2022. — 160 с.

ISBN 978-5-00114-328-4

Дизайн обложки: Татьяна Кормер

© Мария Дубова, текст, 2022

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2022

## Содержание

Глава 1. Сложный случай.....	9
Глава 2. Мир раскололся на две части.....	15
Глава 3. Легче не станет.....	18
Глава 4. Как сказать детям о разводе.....	23
Глава 5. Мне все равно.....	28
Глава 6. Да ладно тебе убиваться.....	29
Глава 7. Очень даже ничего.....	32
Глава 8. Желание жить.....	34
Глава 9. Понять почему.....	40
Глава 10. На что я подписываюсь.....	43
Глава 11. Мы будем танцевать.....	48
Глава 12. Первая внештатная ситуация.....	54
Глава 13. Отдохнуть от нас.....	61
Глава 14. И что это за отец?.....	64
Глава 15. Салфетки и корзинка.....	68
Глава 16. В кино — так в кино.....	72
Глава 17. Что делают на скамейке?.....	77
Глава 18. Подоконник на третьем этаже.....	83
Глава 19. Дискотека с диджеем.....	86
Глава 20. Иногда правда ранит.....	95
Глава 21. Смайлики.....	100
Глава 22. Швабра и Розовая пантера.....	105
Глава 23. Общаться с нормальными.....	111
Глава 24. Тайна.....	116
Глава 25. Вафельница снова в деле.....	117
Глава 26. Пора проветриться.....	120

Глава 27. Я что-то значу.....	123
Глава 28. Блин с томатной пастой.....	128
Глава 29. Все любят мармеладных мишек .	133
Глава 30. Личные истории.....	136
Глава 31. Билеты в Голландию.....	141
Глава 32. У меня своя жизнь.....	146
Глава 33. Дело срочное.....	150
Вместо послесловия.....	154
Благодарности.....	156

## Глава 1. Сложный случай

— Майя, проходи, пожалуйста. Садись вот сюда, — психолог показала на диван. Небольшой такой, с кучей подушек. С виду удобный.

Я плюхнулась прямо посередине. Вроде нормально. И правда удобно.

Никогда до этого не бывала у психологов. Сомневаюсь, что в четырнадцать лет кто-то ходит к ним постоянно. Лично я попала сюда, потому что искромсала семейные фотографии. Все, до которых дотянулась. Вот родители и решили, что мне надо к специалисту. «Ты со своими эмоциями совсем не справляешься!» — кричала мама, сгребая обрезки. Как будто она со своими справляется! Но если ей полегчает оттого, что я хожу к психологу, — пусть. Проще согласиться, чем сопротивляться.

Подозреваю, мама боялась, что после фотографий я возьмусь за что-нибудь или кого-нибудь еще. Поэтому место у психолога нашлось очень быстро. Видимо, мой случай из тех, что считаются срочными.

— Меня зовут Яэль, я клинический психолог. Занимаюсь разными сложными ситуациями. Например, у кого-то проблемы с родителями или в школе, а кому-то трудно разобраться в себе. — Яэль посмотрела на меня, как бы спрашивая, все ли понятно.

А что, это круто — подумала я. Теперь у меня есть личный психолог, прямо как в голливудских фильмах. Она

и выглядит как в кино. Высокая, стройная, в круглых очках. Очень стильная.

От таких мыслей я даже заулыбалась. Яэль ответила мне улыбкой. Наверное, подумала, что я все это одобряю. — Как к тебе обращаться, на ты или на вы? — спросила она.

— На ты, — ответила я.

Общаться я по-прежнему не особо собиралась, но на ты все-таки лучше. Обойдусь без церемоний.

— Мы попробуем разобраться, что с тобой происходит. И для этого будем встречаться и разговаривать. Важный момент: все, что происходит в этой комнате, — здесь и остается. Все, что мы с тобой обсуждаем, — наш секрет. Я не имею права рассказывать об этом никому, даже твоим родителям. Исключение только одно: угроза жизни. Тогда я буду вынуждена что-то с этим сделать.

— В смысле? — Я напряглась.

— Например, если ты расскажешь мне, что украла йогурт в магазине, — об этом никто не узнает, — пояснила психолог. — Но если выяснится, что тебе, твоим близким или знакомым что-то угрожает, придется частично открыть нашу тайну другим. Понимаешь?

— Понимаю.

Что уж тут непонятного. Про разрезанные фотографии ей точно известно. Мама наверняка постаралась.

— Расскажи немного о себе, — попросила Яэль.

То есть надо было еще и краткую биографию подготовить? Ну извините, не догадалась.

— А что рассказывать?

— Что считаешь нужным. О школе, о семье, об увлечениях, о планах на будущее — о чем угодно.

— Меня зовут Майя.

Вот я ступила. Она же знает, что я Майя. Вообще-то вначале принято представляться. Но получилось по-дурацки.

Пока я соображала, о чем говорить дальше, Яэль внимательно на меня смотрела. Пауза затягивалась.

— Хочешь еще что-нибудь рассказать или это все? — Яэль улыбнулась.

— Мне четырнадцать. Я учусь в старшей школе. Нормально учусь. Люблю физкультуру, плавать, танцевать. Еще люблю кино. Не люблю математику.

— Ты смотришь кино дома? Или ходишь в кинотеатр с друзьями?

— В кинотеатр иногда хожу. И в школе мы смотрим фильмы. Раз в неделю. Потом обсуждаем и пишем отзывы. Я выбрала углубленное изучение кинематографа.

— Надо же, как здорово. И какой последний фильм вы смотрели?

— «Чудо».

— Про мальчика с необычной внешностью.

— Да.

— Понравился тебе фильм?

— Да.

— Тяжелый?

— Нет.

— Интересно у вас. Я тоже хотела бы раз в неделю смотреть фильмы, а потом их обсуждать, — сказала Яэль с таким видом, словно мечтала о таком всю жизнь.

Отвечать я не стала. Как будто ей не дают это делать! Хочешь смотреть кино раз в неделю — смотри. Никто не запрещает.

— Я уже сказала, что занимаюсь разными сложными ситуациями. Как ты считаешь, в чем твоя сложная ситуация? И действительно ли она сложная?

Ну вот, началось. Будет копать у меня в голове.

— Мама считает, что я очень тяжело переношу их с папой развод и мне нужна помощь, «чтобы справиться со своими эмоциями», — передразнила я маму.

— С твоими родителями я побеседовала. Перед началом терапии это обязательно. Что они думают, я примерно себе представляю. Мне интересно, что думаешь ты.

— Ничего.

Яэль сделала паузу. Видимо, надеялась на продолжение. Но добавить мне было нечего.

— Ну хорошо. Давай мы с тобой немного поиграем. Просто так, это ничего не значит. Обычная детская игра, «Дабл». Я играю в нее со всеми, кто приходит ко мне на консультации. С детьми, со взрослыми. Но должна предупредить: тут я профи. Проигрываю о-о-очень редко. Не боишься?

— Нет. — Я улыбнулась. Чего-чего, а «Дабла» точно не боюсь.

— Тогда поехали, — объявила Яэль и разделила пополам пачку картонных кругляшей. На каждом куча мелких картинок.

Правила в «Дабле» проще некуда. Надо находить одинаковые рисунки. Кто первый нашел — забирает карточку себе. У кого карточек больше — тот и выиграл.

Яэль и правда была профи. Разгромила меня в два счета. Она так искренне радовалась, когда первой видела совпадение, что я опять не удержалась от улыбки.

— Ты молодец, умеешь проигрывать, — сказала она под конец. — Всегда так было? Или научилась?

— Научилась. Когда я была маленькая, мама завела дома «коробку проигравшего». Там лежали киндер-сюрпризы. Если кто-то проигрывал — брал из этой коробки киндер. И тогда ему было не так обидно.

— Классная идея.

— Ну да, это мама сама придумала или прочитала где-то. Я даже хотела специально проиграть, чтобы мне достался киндер.

— И проигрывала?

— Не помню. Помню только, что хотела. Папа иногда мне поддавался. А потом уступал мне свой киндер. Получалось, что я и выигрывала, и киндер получала. — Я снова улыбнулась.

Это были хорошие воспоминания. Вот только я очень старалась стереть их из памяти. И уж точно не хотела все это рассказывать незнакомому человеку. Но это как-то само собой получилось, и остановиться я уже не могла.

— Мама говорила: нечестно, если киндер получает проигравший. Но тогда я делилась с ней шоколадкой, и мы решали, что замнем дело.

Когда я вышла на улицу, уже стемнело. Мама с Крисом ждали меня в машине. Крис — это мой брат. Ему три года. Мама с папой родили его в надежде восстановить отношения. Но из этой затеи ничего не получилось. Вернее, с Крисом все в порядке, а вот с отношениями — нет.

— Как все прошло? — спросила мама.

— Нормально.

Это мое любимое слово. Универсальный ответ на почти любой вопрос.

— Что делали? — не отставала мама.

— Играли в «Дабл». — Надеюсь, я не выдала никаких профессиональных тайн.

— По крайней мере, ты не сидела в своем ютьюбе, — сказала мама, и мы наконец-то поехали домой.

## Глава 2. Мир раскололся на две части

Я — Майя Фридман. Мне четырнадцать лет. Ровно три месяца назад мои родители разошлись. В начале лета папа — бум! — хлопнул дверью в последний раз и отправился в никуда.

Через два дня он вернулся из ниоткуда, чтобы забрать вещи. Крис бросился к нему обниматься, а потом как ни в чем не бывало уселся досматривать свои мультики. Он совсем не понял, что случилось. А я поняла. Мир раскололся на две части — папину и мамину. На два времени — до папиного ухода и после него.

— Если захочешь, сможешь жить со мной, — сказал папа уже на пороге.

Спасибо, конечно, что дали мне выбор. Но лучше бы спросили моего мнения, когда решили разводиться. Папа мог бы сказать: «Если хочешь, я не уйду». А я бы ответила: «Да, хочу». Но тогда меня никто ни о чем не спрашивал. А теперь это все уже не важно.

Последнюю ссору родителей я запомнила очень хорошо. Этот последний «бум» дверью до сих пор отдается в голове.

— Ты и только ты виновата в том, что мы не можем жить вместе, ты вечно всем недовольна, тебя никогда ничего не устраивает, ты сама не понимаешь, чего хочешь. — Папа пока не кричал, но говорил так, что слышала не

только я. Слышали все соседи, которые в тот момент были дома. Обращался он к маме, но почему-то казалось, что он и меня обвиняет.

— Неправда. Танго всегда танцуют двое. Не надо сваливать всю вину на меня. Мы оба виноваты, — отвечала ему мама, и голос у нее был железный. — Ты хотел большую семью и много детей. И куда же ты делся, когда у тебя появилась семья и дети? Где ты? Ау? Тебя никогда нет. Где ты был, когда Майка шла в первый класс? Где ты был, когда Крису оперировали ухо?

От гостиной, где ругались мама с папой, меня отделяла всего одна дверь. Дверь моей комнаты. Я прямо чувствовала, как в маминых словах звенит злость. Хорошо, что Крис уже уснул. В два с половиной года сон крепкий. Вот бы и мне так. Я накрыла голову подушкой — может, удастся их заглушить.

— Я работал. Кто-то в этой семье должен и деньги зарабатывать! — Папин голос сорвался. Он то переходил на громкий шепот, то начинал кричать.

Я потянулась за другой подушкой. Хотя бы на этот раз подушечный запас мне пригодится.

— Если бы ты не работал, все равно бы ничего не изменилось. Тебя нет, даже когда ты дома. То сидишь за компьютером, то свой баскетбол смотришь, то какие-то сериалы, но ты не с нами. Когда ты последний раз говорил с Майкой дольше трех минут? Ты хотя бы знаешь, какая еда ей нравится? Знаешь, что Крис любит брокколи? Обычно дети терпеть не могут брокколи, а он прямо-таки обожает. Но тебе ведь не до того, правда? От твоего отсутствия мало что поменяется. Я вообще не уверена, что дети это заметят.

Бум! Грохот донесся до меня даже через две подушки. «В нашем доме очень громкие двери. Если хлопнуть по сильнее, все разрушится», — подумала я.

Папа теперь в другом городе. До него ехать полтора часа на машине. Недавно он познакомил нас с Крисом со своей подругой. Прошло только три месяца с тех пор, как они с мамой живут отдельно, даже развод еще не оформили, а у папы уже новая подруга. Запоминать ее имя я не стала.



### Глава 3. Легче не станет

Не то чтобы родители ругались все время. Но ругались, да. И дверями хлопали. В нашей семье это вообще что-то вроде традиции. Мама кричала: «Я не могу тянуть все одна!», а папа орал: «Хватит мной командовать, я сам знаю, что делать!» И в конце обязательно — бум! Вечно этот «бум».

Но были и хорошие моменты. Наши общие завтраки по выходным. Единственный раз в неделю мы собирались за столом вместе. Обычно всем некогда — учеба, работа. А в субботу утром никто никуда не торопился, и мама обязательно пекла мои любимые бельгийские вафли с фруктами и взбитыми сливками. И заваривала чай с мятой. Сам чай я не пью. Но запах мяты напоминает мне о субботних завтраках.

— Что, опять вафли? — обязательно спрашивал папа. — Сколько можно их есть?

— Не буду я завтракать, отстаньте от меня все, — обязательно ворчала я.

Но запах горячих вафель выгонял меня из комнаты, и я привычно начинала расставлять чашки и тарелки. А потом набирала побольше воздуха и истошно орала:

— Пап, скорей за стол!

— За стой, за стой, за стой! — Крис носился вокруг и тащил кусочки фруктов.

— Когда же ты уже вырастешь и перестанешь орать через всю квартиру? — смеялась мама, когда я в последний раз звала папу на завтрак.

— Время тишины еще не пришло, — отвечал папа. — Не в нашем доме.

Он варил кофе для себя и для мамы, мы садились за стол, и папа съедал чуть ли не все вафли. И так почти каждую неделю. Кроме тех, когда папа был в командировках. Тогда мы с мамой делали перерыв и обходились без вафель. Без папы и его бурчания было не интересно. Этим летом мы уже ничего не пекли, а вафельницу я засунула в дальний ящик в кухне. Еще и спрятала за кухонный комбайн, которым никто никогда не пользуется. Чтобы не попала на глаза. Зачем вспоминать то, что нельзя вернуть?

Когда папа ушел, мама совсем двинулась на полезной еде. Раньше мы с папой любили «открыть кока-колу на двоих». Театрально чокались и пили за наше здоровье. Вернее, пил папа, а я так, скорее нюхала пузырьки, которые щекотали нос. Кола мне, в общем-то, не очень нравилась. До маминого запрета. После папиного ухода мама объявила ее главным врагом полезного питания. И теперь я пью кока-колу при каждом удобном случае. Главное — не приносить домой. Ну а едим мы теперь исключительно салаты, супы и хлеб из ржаной муки. Никаких чипсов, леденцов на палочке, жвачек, булок, политых сахарным сиропом, жевательного мармелада, готовых обедов в стаканах и покупной пиццы в нашем доме не найдешь. Мама ввела правило: «больше никакой гадости». И бельгийских вафель со взбитыми сливками — тоже.

А еще у нас были общие путешествия. Куда же без них. До рождения Криса мы ходили в походы. Папа доставал телескоп, устанавливал его около палатки и полночи смотрел на звезды. А мы с мамой валялись рядом на надувных матрасах, наводили на небо мамин телефон, и он показывал нам что хочешь. Есть такое приложение, «Скай Вью», в нем прекрасно видно все созвездия. Только один раз папе удалось нас удивить. Он поймал в свой телескоп Международную космическую станцию. Она как раз над нами пролетала. Здорово получилось.

Когда Крис только родился, я все спрашивала, когда же мы опять пойдем в поход. Но он был довольно беспокойным ребенком, и мама опасалась ночевать с ним в палатке. Потом эта тема стала волновать меня меньше. Ну а теперь никаких походов не предвидится. Они остались только в моей памяти.

Еще мы каждое лето обязательно ездили за границу. Родители брали напрокат машину, и мы гнали вперед и вперед. Классно было. Это лето мы просидели дома. Больше никто никуда не ехал.

Наверное, мама права. Папа особо не интересовался нашей с Крисом жизнью. У него довольно часто бывают командировки, да и без них он постоянно работает. Пишет какие-то коды и программы для компьютеров. Папа – совладелец компьютерной фирмы, они там разрабатывают системы баз данных. Может, это по-другому называется, не знаю. Один раз я спросила у папы, что он такое придумывает. Он ответил, что не придумывает, а пишет код. А вот для чего код, я уже не поняла. Слишком много незнакомых для меня слов. Папа молчаливый,

и по его лицу редко можно понять, что он чувствует. Про таких говорят: неэмоциональный. Папа никогда не ходил в мою школу на родительские собрания и на праздники в садик Криса. Но он хотя бы был рядом. Я могла в любой момент подойти и потрогать его. Теперь я могу дотронуться до него три дня в месяц, которые мы с Крисом проводим с ним.

Что дело дойдет до развода, я не ожидала. Наверное, по каким-то признакам можно было догадаться, что отношения у мамы и папы портятся. Что они чаще ругаются. Что дверь у нас дома все время хлопает. Что родители как будто существуют по отдельности. Что им мало дела до нас с Крисом. Что мы все реже выбираемся куда-нибудь вместе. Что мы уже не семья, а так – каждый сам по себе. Я должна была догадаться, но ничего не замечала. Они, как обычно, то не общались неделями, то спокойно шутили на субботнем завтраке.

– К этому давно шло, – попыталась объяснить мама. – Мы с папой физически не можем больше жить вместе.

Оказывается, они говорили о разводе еще до рождения Криса. Но потом подумали: вдруг ребенок спасет их брак.

– Понимаешь, когда у нас появилась ты, мы были самыми счастливыми на свете, – продолжила мама. – Хотелось вернуть это счастье.

Крис родился. Счастье не вернулось.

Даже мне понятно, что рождение ребенка еще никому не помогло сохранить семью. И я очень боюсь, что Крис подрастет, узнает об этом и решит, что ему не удалось помирить родителей.

— От этого развода всем станет только легче, — сказала мне мама на другой день после того, как папа в последний раз хлопнул дверью. Под «всеми» она, видимо, подразумевала себя и папу. О том, что чувствую я, никто и не спрашивал. Только говорили что-то типа: «Мы понимаем, что тебе тяжело». «Тяжело» — явно не то, что я чувствовала. Ощущения были намного сильнее. Мой мир развалился, и мне приходилось жить на развалинах.

А вот каково было Крису — я не знаю. Но, кажется, он как раз не очень-то заметил, что теперь папа с нами не живет.

## Глава 4. Как сказать детям о разводе

Два раза в неделю, в среду и в пятницу, мама остается на работе дольше обычного и я забираю Крису из детского сада. Раньше в эти дни за ним заходил папа. Но теперь папа в другом городе. Пока было тепло, мы с Крисом успевали обойти все горки в округе. Домой идти совсем не хотелось. А брат, похоже, был только рад побыть подольше на улице. Мы с ним покупали разноцветный питьевой лед в местном магазине сладостей. Это такой коктейль химического цвета. На вкус такой же. Крошечные разноцветные льдинки, которые можно пить через широкую трубочку. Все дети любят эту дрянь. Крис не исключение, да и я тоже. Мамино правило «больше никакой гадости» на улице не работало. Мы же не тащили ледяной коктейль в дом — пили его на улице.

Брат предпочитает яркие оттенки: синий, оранжевый или кислотно-розовый. А я всегда беру фиолетовый. — Майя, что вы с Крисом ели? Почему у него кашки синие? — возмущалась мама после одного нашего отрыва. Мы тогда уговорили по два стакана. Мама прочла мне лекцию о здоровом питании, из которой следовало: на прогулке нам надо жевать огурцы, а не пить «всякую дрянь». Никакие огурцы мы, конечно, грызть не стали. Да и гулять как-то расхотелось. На улице стало прохладно. Брат все время выпрашивал этот

фруктовый лед, чтобы еще раз посмотреть на синюю кашку. Не прогулка, а сплошное нытье. Поэтому теперь после сада мы сразу идем домой, где Криса можно отвлечь телевизором.

Дома тоска. Хотя папа давно уже с нами не живет, его присутствие чувствуется везде. Вот тут он жарил яичницу. Вот этой дверью хлопал. Вот тут он ходил, вот тут сидел в своем любимом зеленом кресле — туда как сядешь, сразу утонешь. Это кресло, кстати, меня особенно бесит. Оно как будто впитало папин запах.

— Мам, давай переедем? Найдем новую квартиру, побольше, чтобы света было много, — предлагаю я маме.  
— Зачем? — она искренне удивляется. — У нас отличная квартира, близко от твоей школы и от сада Криса. Сейчас, когда папа уехал, стало еще просторнее. Смотри, сколько места.

Мама отказывается меня понимать.

— Тогда давай хотя бы выкинем это старое зеленое кресло. Оно воняет, — не сдаюсь я.

Мама смотрит на меня с удивлением. Подходит к креслу. Нюхает его. И с удовольствием в нем устраивается.

— Нет, я не готова отдавать это кресло, я его люблю, — говорит она, улыбаясь.

— Вояет! Вояет! Вояет! — радуется Крис. Он скачет вокруг мамы в кресле и выглядит совершенно счастливым.

Мне кажется, что я сейчас взорвусь. Похоже, проблемы тут только у меня. Остальным и правда стало

только легче, когда папа ушел. Никто о нем даже не вспоминает. Если мама о нем и заговаривает, то вскользь, как будто он неодоушевленный предмет. Страшно хочется заорать. Но я просто тихо разворачиваюсь и — бум! Шарохаю дверью. Опять этот звук. Он точно нас преследует. Бум! Бум! Бум! Я хлопаю дверью со всей силы. Время тишины еще не пришло. — Прекрати! — кричит мама. Она с трудом выбирается из мягкого кресла и подходит ко мне. — Майя, я понимаю, что тебе сейчас тяжело, и понимаю, что ты чувствуешь, но со временем станет легче.

Она заглядывает мне в лицо.

Интересно, откуда мама может понять, что я чувствую. Ее родители — мои бабушка и дедушка — не развелись. Жили всю жизнь вместе.

— Я понимаю, что сейчас у тебя почва уходит из-под ног, — продолжает мама свой поддерживающий монолог.

Я изображаю тошноту и демонстративно закатываю глаза. Фразы, которыми меня пытаются подбодрить, я уже наизусть выучила. Они, эти фразы, всегда одинаковые. Их произносят все подряд: мама, бабушка, учителя в школе. Даже Эрика, моя подруга, периодически выдает что-то типа: «Первое время почва уходит из-под ног, но потом привыкаешь».

Мама устало смотрит на меня.

— Мам, давай так. За каждую заезженную фразу из твоей статьи «Как сказать детям о разводе» я тебе буду давать монетку из своих карманных денег. Сможешь каждый вечер ходить в магазин и покупать себе мороженое.

— Это обидно, Майя. Ты понимаешь, что ты меня обижаешь? — спрашивает мама, не отводя взгляда.

Я молчу. Понимаю ли я, что это обидно? Понимаю. Но мне тоже обидно и неприятно выслушивать банальности. Я видела эту статью у мамы на компьютере. Лежит в закладках. Сейчас мама скажет, что они с папой меня любят...

— Майя, послушай. Мы с папой очень тебя любим. Наш развод с тобой никак не связан. Мы продолжаем тебя любить так же сильно, как любили, когда были вместе, — продолжает мама.

Хочется побиться головой о стену.

— Минутку, — говорю я.

Достаю из сумки кошелек, подаренный бабушкой лет десять назад. С единорогами. О, отлично, в нем есть мелочь. Беру три монеты. Выхожу из комнаты и кладу перед мамой на стол.

— Три монеты за три заезженные фразы, — говорю я. — Во-первых, ты понятия не имеешь, что я чувствую. С тобой никогда ничего такого не происходило. Во-вторых, у меня не уходит почва из-под ног. Можно было бы найти другие слова, поточнее. И в-третьих, я знаю, что вы с папой продолжаете меня любить, как и раньше. Не надо говорить мне об этом постоянно!

— Это жестоко! — Мама почти плачет.

Ну вот, я довела ее до слез.

— Тогда хватит сыпать фразами из твоей статьи про развод. — Видимо, я все-таки ору.

Бум! Это опять я хлопнула дверь, и сама же вздрогнула от звука.

— Ты похая, Мая! — кричит Крис, подойдя к моей комнате. — Из-за тебя мама пачет.

Он уже совсем не счастливый малыш. Слышу, как брат потихоньку начинает подвывать вместе с мамой.

Да, я плохая. Из-за меня мама плачет. А я не плачу. Не могу? Или теперь я настолько плохая, что уже ничего не чувствую?

*Литературно-художественное издание*

Мария Дубова

# ТАЙНА там, где ее Нет

Литературный редактор Ольга Дергачева  
Корректор Светлана Крючкова  
Дизайнер-верстальщик Николай Кормер  
Главный редактор Ксения Коваленко  
Директор издательства Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»  
[www.albuscorvus.ru](http://www.albuscorvus.ru)  
[info.albuscorvus@gmail.com](mailto:info.albuscorvus@gmail.com)

Подписано в печать  
Формат 60×90/16  
Печать офсетная.  
Тираж 2000 экз.  
Заказ №

ISBN 978-5-00114-328-4

12+